

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НИК ПЕРУМОВ

АЛЕКСАНДРОВСКИЕ
КАДЕТЫ
СМУТА. ТОМ 2

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Ник Перумов

**Александровские
Кадеты. Смута. Том 2**

«Эксмо»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Александровские Кадеты. Смута. Том 2 / Н. Перумов —
«Эксмо», 2024 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-04-196559-4

Ник Перумов известен всем поклонникам фэнтези и фантастики, на его книгах выросло два поколения. Распроданы миллионы экземпляров его книг. Новый роман «Смута» — вторая и завершающая книга дилогии «Александровские кадеты». Увлекательная история о бравых ребятах из кадетского корпуса, которые оказались на перекрестке времён, где им встречаются люди из самых разных эпох, одержимые собственными идеями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196559-4

© Перумов Н., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 8	6
Интерлюдия	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ник Перумов
Александровские Кадеты
Смута. Том 2

© Перумов Н., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 8

Южные края и северные, весна – лето 1915

15-я стрелковая дивизия занимала оборону. Балка, в ней узкий ручеёк, уже начавший вздуться от талых вод. Хутор в центре позиции, фланги упирались в глубокие овраги. Справа и слева тоже не голое поле, там встали спешно переброшенные с западного фланга Южфронта дивизии. Правда, было их мало, не все успели подтянуться. Но и те, что успели, пришли в неплохом виде – пополненные из числа «сознательного пролетариата и беднейшего крестьянства», хорошо вооружённые: винтовок и пулемётов хватало, мало было новейших «автоматов Фёдорова», но это и к лучшему, простому бойцу они сложноваты.

Траншеи и окопы мигом заполнялись водой, стоять в них приходилось хорошо если по щиколотку, и красноармейцы стягивались к постройкам, где было, по крайней мере, сухо.

От Миллерово, казалось бы, всего ничего, и фронт беляки прорвали сразу на большую глубину, но увязли, передовые части до конца выполнили свой пролетарский долг – как могли задерживали царские войска и таки задержали, почти полностью погибнув, изрубленные улаговской конницей.

Плохо было то, что в тылу так и не удалось справиться с мятежниками. Наступление на Вёшенскую и вовсе пришлось остановить, продотряды вливались в регулярные красные полки; восставшие казаки приободрились, вылезли из станиц, всё смелее и смелее нападали на тылы, обозы, громили ревкомы; у Бешанова нашлись подражатели, счёт «расстрелянным при сопротивлении изъятию хлеба» шёл на сотни, и казаки тоже зверели.

Жадов, хоть и начдив, вернулся с последнего похода за провиантом чернее тучи.

– Опять отряд наш попался, – выдохнул он в ответ на немой вопрос Ирины Ивановны. – Хлеб растащили, охрану разогнали, кто жив остался, а вот комиссара... – тут он вздрогнул, зябко повёл плечами. – Ирина Ивановна, дорогая... обещаю тебе, что обернись дело полным швахом и не найдётся у меня последнего патрона или гранаты – обещаю, что пристрелишь. Я знаю, ты не промахнёшься. Прямо в лоб попадешь, или в висок, или в сердце. Я и не почувствую ничего. Раз – и уже там.

– Перестань, Миша, – Ирина Ивановна встала, коснулась на миг его локтя. – Всё будет хорошо. Все останемся живы. И ты, и я. Верь мне.

– Верю, – совсем по-детски вздохнул Жадов. – Тебе – верю. Маленьким был – в Бога так не верил, как в тебя.

Ирина Ивановна на миг зажмурилась, острые тёмные морщины вдруг прорезали лицо; хорошо, что начдив-15 смотрел при этом в другую сторону.

Но когда она вновь открыла глаза, никаких следов накотившего уже не осталось.

– Всё будет хорошо, – повторила Ирина Ивановна. – Скажи, комиссара этого...

Жадов поморщился.

– Тешились казачки, что сказать... медленно умереть не дали.

– Фамилия его как? – не отступала Ирина Ивановна.

– Пархоменко.

Брови Ирины Ивановны сдвинулись.

– Иван? Да как же он ухитрился-то?!

– И на старуху проруха выходит... мельника они казнили, что хлеб прятал. Большая яма была, на много пудов. Ну и... и...

– А у мельника небось жена. И дочки на выданье. Были... Договаривай уж, Миша. Изнасиловали их всех, да и убили. И хорошо ещё, если просто застрелили...

– Да, – с болью вырвалось у Жадова. – Ну как так-то?! Ладно, казачья эта, нагаечники, они иногородних всегда ненавидели... отчего и лупили нас почём зря на маёвках... но наши-то?! Наши-то как?!

– Наши тоже люди, – тихо сказала Ирина Ивановна. – Люди, не ангелы. Женщин на войне насиловали всегда. И убивали после насилия тоже.

– Так то всякий сброд! Буржуйские армии!

– А кто в них служил? Кто в солдатах-то был? Такие ж рабочие, такие же пахари. Не только «деклассированный элемент».

– Эх! – Жадов в сердцах махнул рукой, почти рухнул на лавку. – Долго нам ещё нового человека создавать придётся...

– Так чего ж создавать, я перед собой одного такого вот и вижу, – чуть улыбнулась Ирина Ивановна. – Ты-то, Миша, с пригожей вдовушкой тюфячки давить не станешь.

Жадов аж съёжился.

– Да как же я б смог... когда я... когда ты... когда я тебе...

– Вот потому-то ты и есть тот самый новый человек. – Ирина Ивановна наставительно указала пальцем. – Да-да, Миша. Тот самый. Который хлеб голодным отдаст, последнюю рубаху снимет, жизнь за справедливость пожертвует. Всем – всё, себе – ничего. Эх, Миша, кабы все большевики такими, как ты, оказались бы!.. А они сам знаешь что...

– Да беляки что же, лучше?! – горячо возразил начдив. – Тоже слышаны! И хлеб отбирают, и расстреливают, и вешают!

Ирина Ивановна грустно кивнула.

– Звереют люди, Миша, вот что печально. Даже нет, не звереют. Звери друг друга сознательно не мучают. Убивают – так уж убивают. Для еды, детёнышей прокормить. А мы... – она только головой покачала. – Счастье ещё, что наша дивизия не опозорилась.

– Питерскому полку спасибо. Сознательные ребята. Харьковские, то ж такэ... – вздохнул Жадов.

– То ж такэ, товарищ начдив, а дивизия меж тем готова к отражению вражеского наступления. Сами проедетесь по позиции?

– Если мой начштаба говорит, что готова, – значит, готова. Как там этот... Штокштейн? Хоть одного шпиона поймал?

– Как не поймать, – холодно сказала Ирина Ивановна. – Уже с полдюжины. Если б не я – всех бы уже расстрелял.

Жадов аж поперхнулся.

– А почему мне не доложили?!

– О чём? Хватает он бойца, сажает под замок и начинает, как он выражается, «раскалывать» – признавайся, мол, что ты агент беляков, не то к стенке. Сам знаешь, какая у него слава пошла, у Штокштейна.

– И что, признаются? – мрачно осведомился начдив.

– Конечно. Пока я не вмешалась. Со взводом надёжных питерских ребят.

– И молчала!

– Хороший начштаба начальника дивизии по пустякам беспокоить не должен.

– Ничего себе! Ирина Ивановна, товарищ Шульц, приказываю вам впредь мне всё докладывать, ничего не упускать!

– Есть не упускать, товарищ начдив. В общем, всех задержанных я отбила. А Эммануилу Иоганновичу сказала: «Wenn Sie mit dieser Praxis nicht aufhören, werden unsere Soldaten Sie eines Tages zwingen, Kuhdung zu essen».

– Это что значит?

- Не суть, товарищ Михаил. Он понял. Тебя же не беспокоит, верно?
- Вот оно-то мне и не нравится... Что с разведкой?
- Вернулись. Против нас кубанские добровольцы, Ейский полк и Екатеринодарский.
- Ух ты. Цельная дивизия!
- Нет, товарищ начдив, едва ли половина от нашей наберётся.
- Так это и хорошо. Значит, не полезут, – повеселел Жадов.
- Наоборот, плохо. Не нравится мне, Миша, когда против нас так мало сил оставляют.

Больше на заслон похоже. Полезут в другом месте, прорвутся, зайдут нам в спину...

И тут, словно отвечая, где-то совсем неподалёку разорвалась шрапнель.

– Не полезут... – скривился Жадов. Накинул шинель и бросился на улицу.

От позиций добровольцев двигалась редкая цепь пехоты, над окопами красных рвались шрапнели, артиллерия белых била с закрытых позиций и с неприятной точностью.

Батарея 15-й дивизии попыталась отвечать по приближающейся пехоте, но артиллерийские наблюдатели у «контры» всегда были отличные, и огонь они перенесли почти тотчас.

...Михаил Жадов этого не знал, но именно так сперва японская артиллерия расстреливала нашу, с закрытых позиций, выдвинув вперёд дозорных с полевыми телефонами.

Цепи добровольцев прошли какое-то расстояние, иные жадные до боя бойцы красных открыли пальбу, но с такой дистанции попасть можно было разве что случайно.

– Смотри-ка, залегли, – удивился Жадов, опуская бинокль. – Обычно контра эта пулям не кланяется, а тут, эвон, пузами благородными да прямо по грязи...

– Потому что они тут атаку только изображают, – Ирина Ивановна оказалась рядом. – А прорываться в другом месте станут. Азбука, товарищ начдив.

Траншеи открыты были на совесть, на накаты пошло всё, что смогли найти, включая сараи с амбарами, пулемёты наготове – «демонстрируют» тут беляки или нет, а кровью они умоются!

И верно – день длился, а цепи добровольцев, едва поднимаясь в атаку, тут же и залегали.

Канонада, однако, всё сильнее гремела у соседей и справа, и слева.

Немного погодя примчался вестовой.

– Подмоги надо! 12-я дивизия Нечипоренко подмоги просит! Давит контра, головы не поднять!

Жадов метнул быстрый взгляд на Ирину Ивановну.

– Давай полк Илютина. Полк паровозного завода, бывший Сергеева.

Ирина Ивановна сперва было кивнула, но затем прищурилась, подняла к глазам бинокль, надолго припала к амбразуре блиндажа, обращённой к наступающим белым.

– Чего медлишь? – выходил из себя гонец, напрочь позабыв о субординации. – 12-я там насмерть стоит!.. Подмогу давай, у вас-то тут тихо!

– Не полк. Один батальон, – вдруг решительно сказала Ирина Ивановна.

– Это почему?!

– Потому что они только того и ждут. За нами дорога прямая от Миллерово на Вёшенскую, не забыл?

– Думаешь, здесь и ударят? А чего ж мутузятся, встали-легли, легли-встали?

– Как раз и ждут, когда дивизию нашу раздёргают. Полк направо, полк налево – тут-то по нам и ударят. Думала я – только продемонстрировать у нас тут будут, чтобы лучшие части мы никуда не двинули, а теперь смотрю – нет, у нас навалятся.

– Почему?

– Соседи держатся, так? – Ирина Ивановна повернулась к вестовому. – Дроздовцы там есть? Марковский полк? Сводно-гвардейский? Конница, атаманцы, лейб-казаки?

– Не... кадеты обычные...

– Кадеты? Какие «обычные»?

– Ну, золотопогонники...

– То есть регулярные части?

Вестовой кивнул. Было видно, что длить этот разговор для него мучение.

– Помочь-то будет? Иль нет?

– Батальон. Что, мало? Ну, не хочешь – тут оставайся. Потому что, помяни слова мои, боец, тут очень скоро такое начнётся, что небо с овчинку покажется.

– Ну, голова, – с уважением выдал Жадов.

На вестового это, однако, не подействовало.

– Хорош базарить, начдив! Помощь давай, говорю тебе!

– Веди батальон, чего медлишь? – обозлился и Жадов. – Слышал, что мой начштаба сказала? Что тут будет главный удар!

– Может, и будет, может, и нет, а только у Нечипоренко совсем худо, вот прямо сейчас!

– Ну так скачи же, не жди! Батальон – тоже много!

Вестовой совсем потемнел лицом.

– Сам ты, начдив, контра настоящая!..

Жадов только сплюнул.

– Будешь время терять – посажу под арест. Как саботажника. Чтобы духу твоего здесь не было через полминуты! Вот приказ Илютину дать тебе один батальон. – Начдив-15 наскоро черкнул что-то карандашом на мятом листке бумаги. – Всё, прочь с глаз моих!

Вестовой понял, что дальше упрямиться становится опасно для собственной шеи, – схватил приказ и выбежал вон.

Жадов покачал головой.

– Ирина Ивановна... а ты уверена?.. А вдруг надо было и впрямь целый полк давать? Не удержится Нечипоренко, мы в котле окажемся...

– Удержится, – железным голосом сказала товарищ начштаба. – Во-первых, там военспецом подполковник Нифонтов и части из его Волынского полка. Я Нифонтова знаю...

– Нифонтов? – наморщил лоб Жадов. – Погоди-ка... это который же Нифонтов?

– Отец того самого Константина Нифонтова, что с Бешановым в Питере нас с тобой арестовывать явился. Или не арестовывать, не знаю уж – «дела принимать», как они сказали. Но офицер дельный. Смелый. Решительный. На прежнюю власть сильно злой. Нечипоренко может там командовать, но Нифонтов позиции удержит, помяни моё слово.

– А мы?

– И мы удержим.

...Настоящие атаки начались, когда и впрямь ушёл батальон из полка Илютина, когда пушки белых вдруг зачастили, осыпая шрапнелями окопы с траншеями, а гранатами – ближний тыл дивизии. Тяжёлой артиллерии тут не было, только трёхдюймовки, но и этого хватало. Батарейцы Жадова хоть и «горели революционным рвением», но стрелять с закрытых позиций и по закрытым позициям не умели.

Однако никто не побежал. Хрипя и матерясь, переждали обстрел, кое-как оттаскивая раненых. И – дождались, когда на поле вновь поднялись цепи в длинных шинелях, пошли прямо на них.

Наступали белые умно, перебежками, никто не маршировал и не гнушался «кланяться пулям». А шрапнели так и рвались, обстрел не прекращался.

– Перестанут, только когда цепи подойдут почти вплотную, – Ирина Ивановна опустила бинокль. – Умеют, что уж тут... «Огневой вал» это называется, хотя тут, конечно, до настоящего ой как далеко...

– Как бы нам и этого не хватило, – Жадов погладил ложе винтовки рядом. – Что ж, придётся по старинке, «пуля дура, штык молодец».

– Если всё сделали правильно, не придётся. Если пулемётчики сидят в блиндажах, как приказано.

...И едва стихла артиллерия, едва цепи белых поднялись – уже совсем близко, совсем рядом рванулся их рёв, никакое не «ура», – как с флангов 15-й дивизии ударили тщательно укрытые там «максимы».

Белые не добежали до линии траншей. Под свинцовым ливнем вновь залегли, и тут уже воспрявшие духом бойцы Жадова взялись за винтовки.

Текли мучительные минуты, и вот – осторожно, пригибаясь – белые начали отходить. Вскакивали, пробегали сколько-то саженой, падали снова; иные с колена стреляли в сторону красных, но едва ли кого-то задевали: траншеи у Жадова были открыты глубокие, по уставу.

– Тащ комдив, ударить бы по ним! – горячо зачастил командир питерской роты, державшей самый центр позиции.

– Какое «ударить», Михеев, они всю твою роту положат, пока добежишь!.. Ах ты ж, нечистая ты сила, а ну быстро, останавливаем!..

Наверное, с сотню бойцов петербургского полка 15-й стрелковой думали так же, как и их комроты. Без приказа, без команды вскочили в полный рост и, как положено, с «ура!» ринулись на отползающие цепи белых.

– Штокштейн!.. – ахнула Ирина Ивановна.

И точно – первым на бруствер вскочил именно начальник особого отдела, в руке «маузер», закричал что-то, бросился вперёд, увлекая за собой остальных.

– Назад! – заорал Жадов, бросился наружу. – Назад, мать вашу!..

Ирина Ивановна – следом. Хватали бойцов за плечи, за полы шинелей, за рукава, останавливая храбрый, но безумный порыв. Потому что белые встретили поднявшихся красных именно так, как умели, как их учили, – спокойно, без паники, хладнокровно поливая атакующих очередями в упор из «фёдоровок» и ручных пулемётов.

Треть вскочивших бойцов Жадова смело сразу. Остальные, слава богу, попадали кто куда.

– Назад! – надсаживался Жадов. Рискуя, вскочил на насыпь, рядом тотчас же свистнуло, и Ирина Ивановна с силой сдёрнула комиссара вниз.

– Назад! Назад давай! – звали своих и другие красноармейцы.

Кое-как, на карачках, ползком, отходили. Белые отступали тоже, и только на ничейной полосе остались те, кого судьба сегодня наметила «к отправке».

Среди тех, кто выжил и спрыгнул обратно в спасительную щель траншеи, оказался и Штокштейн – раскрасневшийся и, в отличие от многих других, даже не раненый.

И прежде чем Жадов с Ириной Ивановной успели хоть слово сказать, истеричным фальцетом завопил:

– Измена!..

– Какая измена, так тебя, Шток, и растак, куда людей повёл?!

– Измена! Мы бы их смяли!.. – Штокштейн, казалось, сейчас забьётся в падучей.

– Атака не подготовлена. Направление неизвестно. Ближайшей задачи не поставлено. Взаимодействие не отработано. Полки дивизии имеют приказ на удержание позиций, а не на атаку и преследование противника, – холодно и ровно, словно на занятии в Николаевской академии Генштаба, отчеканила Ирина Ивановна.

– Вот это и есть измена, что «не поставлено» и «не отработано»! – не сдавался Штокштейн. – Мы бы их погнали!..

– Ровно до их пулемётов. И положили бы там всю дивизию.

Над полем боя взлетели одна за другой две белые ракеты. А над отходящими цепями добровольцев так же внезапно поднялся белый флаг.

– Это что ещё такое? – у Штокштейна была уже явно готова очередная тирада, но тема сменилась.

– Предложение перемирия, что ж ещё. Вынести раненых, оказать им помощь. Такое повсеместно практиковалось с японцами.

– Что за изменнические разговоры? – вновь вскинулся Штокштейн. – Хотят контры золотопогонные своих раненых выручать – пусть подходят с поднятыми руками, бросают оружие и сдаются в плен!

– Там и наши раненые, – напомнила Ирина Ивановна.

– Если б мы атаковали и пошли до конца, то уже помогали бы нашим! Это по вашей вине, начштаба Шульц, всё и случилось!

– А ну, хватит! – зарычал Жадов. – Ротный, помашите этим... кадетам. Пусть не стреляют, мы тоже не будем, раненых надо вынести. Раненных по твоей милости, Шток! Приказа на наступление я не давал! А ты людей грудью на пули повёл!

– Я сам грудью на пули пошёл! – зашёлся Штокштейн. – Пока вы тут в блиндаже отсиживались!

Однако в ответ на размахивание белой тряпицей стрельба со стороны добровольцев и впрямь прекратилась.

– Встали, – Жадов выпрямился во весь рост.

– Тащ начдив!..

– Не «тащ начдив», а за мной! наших будем собирать!..

Добровольцы и красные бойцы сошлись посреди смертного поля. Винтовки закинута за спины, в ход пошли носилки. Совсем юный офицерик с красно-чёрными погонами, где красовалась единственная звёздочка, чуть поколебавшись, протянул пакет бинтов немолодому уже красноармейцу, пытавшемуся помочь товарищу с простреленной ногой; чуть левее двое бойцов Жадова, молча и словно бы стесняясь, помогли женщине в косынке с красным крестом положить раненого добровольца на носилки.

И так же молча разошлись.

...До самого вечера атак на позиции 15-й стрелковой не последовало. Гремело и справа, и слева, и казалось, всё будет хорошо. Отправленный батальон так и остался у Нечипоренко, хотя наступление белых стихло и там.

– Кажись, выстояли, – зевнул Жадов.

В блиндаже горела одна-единственная свеча, скупо освещая старую, имперскую ещё топографическую карту.

– Выстояли, – кивнула Ирина Ивановна.

– Так это, значит, и был главный удар?

Товарищ Шульц молчала, красными и синими карандашами чертя на карте какие-то значки и измеряя расстояния курвиметром.

– Нет, товарищ начдив. Не главный. Главного вообще, похоже, не было. Или же поисточились беляки, потери свои им восполнить уже нечем, офицеры, какие хотели и могли, давно уже у них, а остальные – либо у нас, либо, как и большинство обывателей, просто ждут, чья возьмёт.

– Мудрено говоришь, товарищ начштаба... – Жадов очень устал. И сейчас ему очень хотелось поверить, что самое страшное позади, что наступление врага отбито и можно будет «сидеть в окопах», и это, право же, куда лучше, чем подниматься в атаку, ожидая, что тебя вот-вот срежет пулемётная очередь в живот. – То главный удар, то не главный... то заслон, то не заслон... А вообще выпить бы сейчас наливочки стопочку да пельменями настоящими закусить, в Питере, помню, было одно заведение, ходил всегда...

Ирина Ивановна рассеянно кивнула, продолжая чертить и вымерять.

– Погоди, Миша, о пельменях мечтать. Мы с Нечипоренко удержались, а что у других соседей?..

– Отправь вестового... Где Яша, где наш комиссар? Пусть идёт политработу проводить. Что, дескать, героически отразили натиск противника, скоро и назад погоним...

Ирина Ивановна только качала головой. И вдруг хлопнула себя по лбу:

– Ах я, дура набитая!..

Жадов аж подскочил:

– Что такое?..

– То-то я голову ломала, где Улагай с Келлером, где конница белых?.. Ни у нас, ни у Нечипоренко не появилась, как и дроздовцы с марковцами и корниловцами.

– И что же?

– Значит, всё ещё хитрее. Обходят они нас, Миша. Не стали прорываться самой короткой дорогой, не стали соседей наших опрокидывать, чтобы нам в тыл зайти. Обошли небось левый наш фланг, через Дон переправились всей массой и пошли напрямиком к Вёшенской. Объединятся с мятежниками, да и ударят напрямиком на Харьков, на Тамбов, на Воронеж... а захотят – и к Царицыну пойдут, и к Астрахани, яицких казаков поднимать. Для того-то и висели на нас на всех!..

– И что теперь? – сон с Жадова как рукой сняло.

– Пошли нарочных. Пусть соседи будут готовы к отходу.

– К отходу?!

– Предлагаешь героически погибнуть в окружении, Миша?

– Так тогда беляки ни до Харькова не дойдут, ни до Тамбова! Мы их тут на себя притянем!

– Эх, Миша, Миша! Да не станет из белых никто на тебя окружённого в штыки ходить. Оставят заслоны, и вся недолга. И будем барахтаться.

– Всё равно, – упрямо набычился Жадов. – Всё время бегать – до самого Питера добежим, а толку?.. Нет, сражаться надо здесь и сейчас. Никаких отступлений, товарищ начштаба!

– Есть, никаких отступлений, товарищ начдив, – мрачно сказала Ирина Ивановна. – Разрешите тогда начать готовиться к занятию круговой обороны?

– Разрешаю. И предупреди всех соседей. И Яшка, где Яшка, я ж его вызывал?!

– Изъявили намерение, но так и не отдали приказа, – фыркнула Ирина Ивановна.

– Отдаю! Вызывай его сюда, где он вообще шарится?!

... Глухой ночью до штаба 15-й стрелковой дивизии добрался смертельно уставший всадник, раненый, с рукой на перевязи.

– Эй, вставайте, кто ещё остался... – пробормотала Ирина Ивановна.

– Ты о чём, товарищ начштаба? – Жадов оторвал сонную голову от подушки.

Ирина Ивановна, похоже, так и сидела у стола в штабном блиндаже.

– Книга одна. Неважно. Вставай, товарищ начдив. Сейчас узнаем, права я была или нет...

Она оказалась права.

Собрав все конные полки, Добровольческая армия форсировала Дон вдали от линии фронта, кавалерия сплошным потоком устремилась на северо-запад.

– Штаб фронта приказывает нам немедленно отходить.

– Дай сюда!

Жадов почти вырвал бумагу, отмеченную понизу кровью гонца.

– Что?.. «Согласны с вашим предложением... приказываем немедленно начать отвод дивизии на рубеж... сохраняя материальную часть и продовольственные припасы...» Какое ещё «наше предложение»?!

– Наше предложение – отвести войска в случае угрозы окружения. Я его отправила заранее. На всякий случай. Потому что знала, Миша: ты-то решишь стоять насмерть и не отступить ни на шаг.

– Ах ты ж!..

– Ну, можешь меня изругать, даже матом. – Ирина Ивановна пожала плечами. – Вот только бойцы наши едва ли захотят тут ложиться все, в безвестных степях. Командование фронта знает, что делает, и подкрепления идут. Нельзя белякам дать по частям разбить сперва нас, а потом и эти свежие дивизии.

Жадов тяжело вздохнул.

– Тогда будем отходить. Но только вот что, товарищ Шульц... ещё раз такое устроишь – сразу просись в тот же штаб фронта. Я тут командую, а не ты!

– А я тут для того, чтобы ты, дорогой начдив, не угробил бы разом всю свою дивизию! – не поддалась товарищ Шульц. – Ни военспецов у тебя, Миша, ни военного образования; сердце горячее, руки чистые, совесть больная – всё верно; только, чтобы полками командовать, ещё кое-что нужно. Почему беляки теснят нас?.. Вот то-то же. А где в частях военспецы толковые...

– Ладно! – зло прервал её Жадов. – Пошли, отдадим все приказы. Опять людям ночь не спать...

Спать и в самом деле не пришлось. Однако не только из-за отступления: добровольцы, словно что-то учуяв, принялись кидаться осветительными ракетами, вновь загремела артиллерия – верно, били по пристрелянным за день ориентирам.

– Не дадут так просто оторваться...

– Заслон надо оставить, – озабоченно сказал Яша Апфельберг, как всегда, вывернувшийся словно из ниоткуда. – Если всё обойдётся, так уйдут тихо.

– А если нет?

– А если нет, товарищ начальник штаба, то падут смертью храбрых во имя победы мировой пролетарской революции.

На пути у них появился Штокштейн, вынырнув из ближайшего блиндажа.

– Опять ты! – вырвалось у Жадова.

– Мы получили приказ отступать. Товарищ начдив, прошу поручить мне командование отрядом прикрытия. Не дадим контре сесть нам на загривок! В отряд буду брать только сознательных добровольцев.

Жадов вздохнул.

– Наконец-то. А то всё шпионы да шпионы... Благословляю, Эммануил Иоганнович. Выкликай тех, кто сам с тобой остаться захочет.

Уже под утро колонны 15-й стрелковой потянулись на север. Штокштейн оставался; с ним полсотни бойцов, большей частью из харьковских рабочих полков. Вестовых больше не появлялось, и Жадов торопил своих – пока солнце не встало, надо было попытаться уйти в отрыв от белых.

Долгое время всё оставалось более-менее тихо, а потом вдруг резко полыхнула частая артиллерийская пальба.

Ирина Ивановна перекрестилась.

– Идём на прорыв. – Две Мишени поднял бинокль, оглядывая побитые пушечной пальбой позиции красных. – Нельзя больше ждать.

Кубанские добровольцы вчера не смогли здесь продвинуться, да, похоже, не слишком-то и пытались, несмотря на прямой приказ начальника армейского корпуса. Отряд александровцев подоспел только к утру, последний резерв добровольцев на этом участке, – всё остальное оказалось втянуто в бой, и без особого успеха.

– Что, прямо в лоб? – удивился Фёдор Солонов.

Когда Две Мишени оставался наедине с ним и Петей Ниткиным, многие формальности отбрасывались.

Аристов поморщился.

– Кубанцы уже ходили. Не дошли.

– А мы?

– А мы в обход. Что-то у красных на позициях тихо совсем.

Фёдор кивнул. «Тихо совсем» означало, что нет «передвижения личного состава», «в том числе неорганизованного». Добровольцы умели часами замирать в окопе или у амбразуры, не бродили в полный рост, не смолили сигарки и так далее. Красных же отучить от этого не удавалось даже шрапнелью.

– Кубанцы их отвлекут, а мы во-он той балочкой. Посмотрим, насколько бдительно у красных боевое охранение...

...Шли всё тем же верным составом. Сам Две Мишени, Фёдор, Севка Воротников (куда ж без него) – в головах, остальные александровцы чуть поодаль.

Здесь, в глубокой ложбине, снег ещё и не думал таять, хотя под его слоем уже весело булькал беззаботный ручей.

Как ни странно, охранения в балке не оказалось вовсе. Александровцы без помех выбрались к траншеям красных – и там их встретила, как говорится, звенящая пустота.

Первого красноармейца Федя Солонов заметил, когда они прошли, наверное, саженой полста по траншеям. Позиции противником оставлены, это уже становилось ясно; а охранение, как оказалось, совершенно не представляло себе свои обязанности.

...Красного бойца Фёдор поразил снайперским выстрелом и постарался как можно скорее забыть о ещё одной оборвавшейся жизни. Александровцы атаковали как умели – мелкими группами, прикрывая друг друга, не жалея ни патронов, ни гранат.

Красных оказалось совсем мало, отстреливались они ожесточённо, но александровцы даже не пытались атаковать «в полный рост» и «не кланяясь пулям». Парами и тройками быстро охватывали сопротивлявшихся, ползком подбирались к мёртвым зонам у амбразур и бойниц, не жалея, забрасывали внутрь взрывчатку, самодельные заряды с короткими запальными шнурами. Пулемёты красных замолкали один за другим, но никто из противников даже не пытался сдаться, отстреливаясь с редкостным ожесточением.

Они сбились в кучу, засев в нескольких хуторских постройках, что по самому центру позиции. Тонкая цепь александровцев охватила их со всех сторон, и Две Мишени уже совсем было собрался предложить красным сдаться, как все уцелевшие защитники позиции разом кинулись наружу: прыгали из окон, выскакивали из дверей, иные даже с крыш. Их «ура!» сотрясло воздух – родное, русское «ура», – и даже у Фёдора Солонова рука дрогнула, он промахнулся; несколько очередей скосили полдюжины атакующих, ещё двоих застрелил из «маузера» Две Мишени, но остальные всё-таки достигли редкой цепи бывших кадет, бросили себя на их выстрелы в упор, наставив штыки и забыв даже думать о собственных жизнях.

Фёдор стрелял как заведённый. Выстрел – бросок в сторону – прицел – выстрел – ещё бросок. Он не видел, как Две Мишени в упор разрядил «маузер», схватился за пашку, отбил штыковой выпад, крутнулся, рубанул сам; не видел, как Севка Воротников вышиб винтовку из рук немолодого красноармейца, свалил того подсечкой, замахнулся штыком, чтобы добить; заметил лишь, как Петя Ниткин очень даже неплохо отбивается от нападающего на него бойца, – и тут Фёдор сбил того точным выстрелом в голову.

Среди красных Фёдор не сразу заметил их командира – с большой комиссарской звездой на рукаве. Тот пальнул на бегу в александровца, попал, но раненый кадет сумел зацепить попытавшегося перепрыгнуть через него комиссара. Тот тяжело грохнулся оземь, в следующий миг на него уже навалился Бобровский и другие.

И всё почти сразу и кончилось. Стоило рухнуть комиссару, как остальные красноармейцы дружно подняли руки, точно у них – только что сражавшихся насмерть – выдернули незримый стержень.

Две Мишени тоже отдал команду.

Военного с комиссарской звездой подняли на ноги, наскоро охлопали по карманам, разряженный «маузер» передали Аристову. Красноармейцы стояли смиренно, но и спокойно – наверное, потому что и сами александровцы оставались хладнокровны и молчаливы, только спешили оказать помощь раненым.

– Кто такие, какой части? – громко спросил Две Мишени, обращаясь к пленным.

– 15-я стрелковая дивизия, – ответил кто-то.

– Молодцы, – похвалил Две Мишени. – Не молчим, не запираемся. Оно и верно – какой вам ущерб от того, что мы номер вашей дивизии знаем? Никакого. Для вас война кончилась. Мы пленных не убиваем...

– Ещё как убиваете! – вскинулся вдруг человек с комиссарской звездой. – Сколько наших казаки ваши порубили?! Никого не щадили, раненых добивали, на кол сажали!..

– Не надо было у казака хлеб отбирать и оружие, – холодно парировал Две Мишени. – Но мы не казаки в любом случае. Я офицер русской Добровольческой армии и в таком качестве гарантирую вам, сложившие оружие рядовые бойцы, что вы будете распущены по домам. Те же из вас, кто проживает за линией фронта, смогут после проверки работать – и получать жалованье – в губерниях, где сохраняются законная власть, порядок и привычный строй жизни. Да и деньги размениваются на золото, слышали об этом?

Пленные зашевелились.

– Вы тут остались, я так понимаю, прикрывать отход?

Многочисленные кивки.

– Отдаю должное вашей храбрости. Но сейчас всё, бой закончен, давайте позаботимся о раненых. И наших, и ваших. Многих можно будет спасти.

– А с ним что? – вдруг подал голос один из пленных.

– А кто это? – прищурился Две Мишени.

Пленный стусевался.

– Дык, ваше благородие, коль уж ваша взяла и ты говоришь, что нас по домам отпустят или работу какую дадут, так, может, и его тоже? Не будешь грех на душу брать, безоружного расстреливать? Что ваши с такими, как он, делают, мы наслышаны...

– «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской», – вдруг процитировал Святое Писание Аристов. – От Матфея святое благовествование, глава 18, стих 6. Помните ли? Вот такие, как он, вас и соблазняли.

– Чепуха, – презрительно бросил человек с комиссарской звездой. – Народ вышел биться за свободу, чтобы вас, сволочей, высокоблагородий всяческих, метлой поганой с земли нашей вымести! Не тиранили б народа, не держали б в цепях – никто б не «соблазнил» никого! А теперь давай, расстреливай меня, давай! Мы свой долг выполнили. Дивизия наша далеко уже ушла, не догоните!

– Расстреливать вас, военнопленный, я не собираюсь, – холодно сообщил Аристов. – При других обстоятельствах и если бы я стал свидетелем ваших преступлений – возможно, и расстрелял бы, не скрою. Но я их не видел. Поэтому судьбу вашу решит суд. Если кто-то другой предавал смерти вам подобных – Бог им судья. А я – им уподобляться не стану. Увести!

– Ну вот, товарищ дорогой, Ирина Ивановна... отзывают нас с тобой в Харьков, штаб Южфронта теперь там. – Жадов держал в руках телеграмму. – Дивизию приказано сдать Нечи-

поренко. У него тяжёлые потери, много разбежавшихся... переформируют всё. А нас с нашим питерским полком – в Харьков.

– В Харьков – значит, в Харьков, Миша. Борьба не окончена. Даже тот успех охвата дал белым не слишком многое...

– Ничего себе «не слишком»! Как ты и говорила, на Харьков пошли, на Борисоглебск... Да и на Царицын, говорят, попёрли!

– И совершили тяжёлую ошибку, – ровно сказала Ирина Ивановна. – В военной науке это называется «наступление по расходящимся направлениям», и прибегать к нему можно только в случае очень существенного перевеса над отходящим неприятелем, когда фактически ведётся его преследование.

– А у нас разве не так?

– Конечно, не так. Южфронт не разбит. Мы загибаем фланг, не даём выйти нам в тыл. К Воронежу и Тамбову перебрасываются подкрепления, переформированные полки, с военспецами, хорошо вооружённые, там бывалые солдаты. Можно было окружить нашу 15-ю дивизию, но нельзя окружить весь Южфронт. У белых просто нет столько пехоты. А Царицын... Пусть себе берут. Не там будет решаться судьба революции, а здесь – под Харьковом, Курском, Воронежем... Но это не сейчас, а пока нам в штаб фронта надо. Опять небось товарищ Сиверс захочет из нас «пожарную команду» сделать...

Штаб Южфронта размещался теперь там же, где и Харьковский военный округ. Товарищ Сиверс неподчинения не терпел и, как шептались в коридорах, бывший начальник округа Павел Егоров был уже отправлен на передовую с новосформированной дивизией.

Вокзал был весь забит эшелонами с севера. Из Москвы, из Петербурга, с Оки и Волги – отовсюду тянулись свежие полки. На платформах – бесчисленные артиллерийские орудия, пирамиды снарядных ящиков. В теплушках – люди и кони.

– Вот видишь, Миша. Этакая силища!.. А ты говорил – остаться в окружении и погибать. Нет, революции ты живой нужен. Все краскомы с боевым опытом ныне на вес золота. Потому что армия только формируется.

– Ну да, – почесал затылок Жадов. – Пехтуры-то много, вижу сам. Да только права ты, дорогой мой начштаба, – без опыта сгинут в первом же бою.

– Вот и поехали тогда. Товарищ Сиверс ждать не любит.

Товарищ Сиверс встретил их в кабинете. Сизый табачный дым плавал сплошной завесой, Ирина Ивановна даже закашлялась.

– Прощения прошу, товарищ Шульц. Садитесь, товарищи, Михаил, Ирина. Докладывайте.

– О чём же, товарищ комфронта?

– О вашем опыте, конечно же. Ваша дивизия остановила наступление противника. Не отошла ни на шаг до получения приказа. А так-то и Нечипоренко с 12-й, и Уборевич с 14-й – все назад подались. Хотя, судя по всему, атаквали их ничуть не сильнее, чем вас.

– Ничего особенного, товарищ Сиверс. Отрыли окопы с траншеями, рук не жалеючи, блиндажей накопили да бревнами перекрыли, разобрав на это все возможные постройки. Поэтому и шрапнель нам особого ущерба не нанесла. Пулемёты расположили опять же... по науке. Косоприцельный огонь называется. Ну и комиссар товарищ Апфельберг старался... поддерживал у бойцов революционный дух... не допускал колебаний...

Жадов аж взмок – не слишком-то привык «докладывать высокому начальству», даже революционному.

– Н-да, – проговорил Сиверс. – Вы правы, товарищ начдив, – простые всё меры, несложные. Вполне доступные любому краскому. Николаевских академий для этого оканчивать не

нужно. Но почему-то для очень многих товарищей наших недоступные. Бойцы, видите ли, «не желают окапываться»! В одной из дивизий потребовали прислать «на окопы», видите ли, «представителей эксплуататорских классов»! Буржуев, одним словом...

– А что же, предложение хорошее, – оживился Жадов. – Пусть ударным трудом искупают свою вину перед рабочим классом да беднейшим крестьянством.

Сиверс как-то странно поглядел на начдива.

– Товарищ Жадов... вы поймите, слова правильные – они для митингов хороши. А мы с вами не на трибуне. Ну где я вам столько «буржуев» наберу, да ещё и волшебным образом на передовую отправлю, чтобы появились они там вовремя, пока беляк в наступление не пошёл? И буржуи эти должны быть здоровые, сильные, траншеи рыть – не чай гонять. А того же эксплуататора... хоть ты его расстреляй, а если сил у него нет, так он ничего и не нароет. Вот казачков бы погнать, нагаечников – это да. Да только неудача у нас с ними вышла, что правда, то правда... Одним словом, – он резко выпрямился, упёрся ладонями в стол, – вы со своим полком остаётесь при штабе фронта. Вы, товарищ Шульц, назначаетесь заместителем начальника оперативного отдела. Товарищ Жадов о заслугах ваших умолчал, а вы, по скромности классовой, его не поправили!..

Товарищ Жадов немедленно покраснел и принялся путано оправдываться. Ирина Ивановна улыбнулась, коснулась легонько его локтя.

– Мои заслуги тут невелики, товарищ командующий фронтом. Но исполнять обязанности готова. А кто же у нас начальник того отдела?

Сиверс слегка поморщился:

– К сожалению, не военспец. Доверенное лицо товарища Троцкого. Но вы не беспокойтесь, товарищ Шульц, он тут в штабе совсем не оперативными делами занимается. Чем – лучше не спрашивать. Я вот не спрашиваю и вам не советую. Делайте свою работу. Чем должен заниматься оперативный отдел штаба фронта, вам, я полагаю, объяснять не нужно?

Ирина Ивановна кивнула:

– В первую очередь – сбор и представление командованию самых полных данных о положении и состоянии войск, как наших, так и противника. Выработка оперативных решений при...

Сиверс поднял руку:

– Достаточно, достаточно. Разбираетесь, это ясно. Немедля беритесь за дело, а то у нас, увы, тут полный революционный хаос.

– У кого прикажете принять дела?

– Не у кого их там принимать. – Сиверс схватил со стола бланк, обмакнул перо, что-то быстро написал, приложил печать. – Вот мой приказ причисленным к отделу выполнять все ваши указания...

– Простите, товарищ командующий, – «причисленным к отделу»?

– Нынешний начальник так и не сформировал положенный штат. Люди там по большей части мной туда направленные. Храбрые и боевые командиры, но в штабной работе не слишком разбираются. Берите дело в свои руки. А вы, товарищ Жадов, со своим полком – разворачивайтесь в бригаду. Если надо – поезжайте в Питер, собирайте верных людей, преданных идеалам революции. У вас остались там... те, на кого можно положиться?

Жадов и Ирина Ивановна переглянулись.

– Борьба за Харьков, за Белгород и Курск будет очень упорной, – Сиверс понизил голос. – Немалая часть наших войск, увы, готова порой поддаться панике. Старые полки, полки царской армии, сменившие номера, названия и знамена, хоть и укомплектованы опытными солдатами, особенно старослужащими – иные фельдфебели с японской служили! – часто думают о том, чтобы по домам разойтись. Пролетарские части – когда под началом хороших командиров, чудеса творят, а бывает, что... – он махнул рукой. – Бывает, что на царские посулы

поддаются! Дескать, на югах и работа есть, и деньги, и свободная торговля, и всего в изобилии. В общем, без пожарной команды особого назначения всё равно не обойтись. Побывали вы ею один раз, видать, и вдругорядь придётся. Нет, хлеб вывозить не надо. Там товарищ Бешанов постарался...

– «Товарищ» Бешанов, – холодная ненависть в голосе Ирины Ивановны была более чем заметна, – послужил одной из главных причин казачьего восстания и обвала левого фланга Южфронта. Его бессмысленная и дикая жестокость...

Сиверс остановил её.

– Знаю, товарищ Ирина Ивановна. Всё знаю. Не только вы сигнализировали о нарушениях революционной законности. Не могу сказать, что сочувствую этим нагаечникам, – заслужили они своё, гнев трудового народа трудно унять! – но товарищ Ленин нас учит, что пролетариат не мстит, а карает. Товарищ Бешанов несколько переусердствовал и... да, не могу не разделить ваше мнение, что обвал нашего левого фланга, прорыв белой конницы, угроза Воронежу, Борисоглебску и другим городам – в известной части его, Бешанова, вина. Но сейчас говорить об этом нет смысла. Наш левый фланг надо привести в порядок. Отступления закончены, врага мы сперва остановим, а затем и погоним обратно! – Он потряс кулаком. – Товарищ Жадов, а вы как можно скорее приступайте к пополнению своего полка. Мне очень нужны будут верные части.

– Вам, лично вам, товарищ комфронта?

– Помилуйте, товарищ Шульц, о чём вы?! Части, до конца верные идеям революции и не заражённые анархией пополам с партизанщиной, конечно же!

– Вас понял, товарищ Сиверс, – безо всякой радости сказал Жадов. – Я протелеграфирую... тем, кто ещё остался в столице. Хотя, надо сказать, многие были в дружбе с Благомиром Благовым...

Сиверс разом подобрался.

– А вот этого не надо, товарищ Жадов. Уклоняющихся от генеральной линии партии нам не требуется. И вообще лучше бы вам отправиться туда самому. Полк передайте заместителю.

– У нас найдутся и не уклоняющиеся, – подала голос Ирина Ивановна.

– Считаю, что оставлять мой полк сейчас политически не совсем правильно, – заявил комиссар. – Для начала испробуем иные каналы связи.

– Что ж, испробуйте. Три дня сроку вам, товарищ Жадов. Потом должите. А пока приступить к учениям. И... подготовьте соображения по организации обороны Харькова. Не думаю, что до этого дойдёт, но бережёного, как теперь говорят, товарищ Ленин бережёт. Это и вам поручение, товарищ Шульц. Вопросы есть?..

– Есть. Место дислокации моего полка. Постановка на довольствие. Получение огнеприпасов взамен истраченного.

– Это к товарищу Якиру. Он у нас отвечает за такие дела. Совсем молодой, но отчаянный, насилу его с фронта вытянул. Мне умные люди тут, в штабе, тоже нужны. Всё? Больше вопросов нет? Свободны, товарищи.

Александровцы наступали. Шли по прямой дороге от Миллерово на Воронеж. До него, конечно, ещё немеренные вёрсты, но с каждым шагом он всё ближе и ближе. Как и Москва, как и Петербург. Красный фронт откатывался, дроздовцы, келлеровцы, улагаевцы, марковцы почти без боёв занимали станицы на Верхнем Дону. По открывшемуся пути на Воронеж, по главному ходу железной дороги Ростов – Новочеркасск – Миллерово – Лиман – Кантемировка – Лиски – Острожка, а там и Воронеж к западу. В прорыв ушли бронепоезда, вся конница белых, все восставшие казаки; в городах и сёлах юга шла сплошная мобилизация, кто-то пробовал бежать, но и у красных на севере, и у гетманцев за Днепром таковых тоже немедля ставили в ряды.

Но кто-то должен был пахать и сеять, и потому даже в казачьих станицах призывали не всех. К тому же показывали дно склады южных военных округов, а заводов, что делали б винтовки с пулемётами, у белых не было. Имелся донбасский уголь, металл, имелся хлеб, но и только.

Большевики же располагали Тульским, Ижевским, Сестрорецким оружейными заводами. У них оставались и главные склады старой армии, нехватки патронов или снарядов красные не испытывали.

А тут ещё и немцы с австрияками. Заняв Киев ещё 1 марта и признав «вольную гетманскую Украину», немцы остановили наступление красных, враждующие стороны разделил Днепр. Левобережье осталось за большевиками.

И после этого Reichsheer-divisionen нависали над флангами и красных, и белых. Ждали, решительно пресекая при этом все попытки белых продвинуться на правый берег; большевики же словно ничего и не замечали.

Тем более что как раз в дни прорыва белых у Миллерово великие державы Европы, страны «сердечного согласия», то есть Антанты, признали красное правительство. Английский премьер, Герберт Генри Асквит, предложил созвать «мирную конференцию»; вместе с французским президентом Пуанкаре они выступили против «германских территориальных захватов», что подразумевало недвусмысленное: «Берлин, пора делиться».

Вильгельмштрассе изобразило истинно прусское хладнокровие и с прусской же надменностью заявило, что оказало содействие «делу обретения свободы народами, угнетавшимися Российской империей», и что нациям, «имеющим столь давние традиции народоправства», не пристало мешать им, немцам, в сем благородном начинании.

В Париже и Лондоне возмутились. И немедля признали большевистское правительство в Петербурге.

– А дальше – дело нехитрое, – разглагольствовал на привале Петя Ниткин, потрясая только что прочитанными газетами. – Торговое соглашение, французские кредиты, английские субсидии – и пожалуйста бритесь! Немцы и глазом моргнуть не успеют, как окажутся Советы в той самой Антанте, которую клеймили!

– И что потом? – как бы небрежно осведомился Лев Бобровский.

– А потом, друзья мои, будет всеевропейская война. За российское наследство. Были войны за наследства испанское, австрийское, французское, польское, даже за португальское и баварское!.. Ну, а теперь будет за русское.

– Будет? Чего это ты, Нитка, несёшь? – насупился простодушный Воротников.

– Будет, если мы это допустим, – парировал Петя. – Если мы не победим – разорвут Россию на куски. На мелкие. Поляки уже отложились, финны вроде как тоже, даже в Киеве немцы стоят! А потому нечего и удивляться, что никто нам не помогает. Такой шанс они не упустят.

Помолчали.

Федя Солонов гнал прочь чёрные мысли. Чёрные, потому что *тамошние* добровольцы тоже имели большие успехи, дошли до Орла, но кончили всё равно Новороссийской катастрофой. А ведь тогда на красных и впрямь напирала со всех сторон, хоть и несогласованно. Теперь же под рукой Государя лишь юг Новороссии, часть Тавриды, Крым, Кубань, донские области, Донбасс – да и всё. На Северном Кавказе неспокойно, из Астрахани и Царицына к горцам засылаются делегации, подбивают ударить на кубанские станицы, откуда, дескать «всех казаков на войну забрали, лёгкая пожива».

В Киеве – немцы и «гетман»; поляки заняли Брест, Гродно, Белосток, двигались на Барановичи. Германские войска основательно устроились за зиму в прибалтийских губерниях, где как-то тихой сапой отменили все революции, хотя формально они располагались лишь в портах Ревеля, Риги, Либавы. А на остальной территории, от Архангельска до Владивостока, –

большевики. И полки старой армии, перешедшие на их сторону, и офицеры – кадровые, присягнувшие государю! – записавшиеся на службу к новой власти; и даже Ирина Ивановна Шульц...

Тут Феде становилось совсем плохо. Об Ирине Ивановне они молча условились не вспоминать.

...Впервые весть о том, что их бывшая учительница теперь с красными, принёс Леонид Воронов. Они со Степаном Васильчиковым сумели в конце концов пробраться на юг и отыскать александровцев. Правда, сами они – «павлоны» – остались со своими. Но о том, как Ирина Ивановна сделалась «товарищем Шульц», они рассказали.

Александровцы выслушали это безразлично. Кто-то вздохнул, кто-то махнул рукой. Но в конце концов, им надо было воевать и побеждать, малым числом опрокидывать куда более сильные отряды красных; неполной ротой наступать на батальон, а уж если удавалось собрать хотя бы две полные роты – то тут уже шли на целый полк.

Не только Ирина Ивановна Шульц оказалась «на той стороне». Капитан Шубников оставил корпус в самом начале «заварухи»; потом исчез и полковник Ямпольский. Сейчас же он, говорят, командовал дивизией у красных где-то на центральном участке фронта.

В общем, об Ирине Ивановне поговорили – и перестали. Две Мишени молчал как рыба, а вот Петя Ниткин с Фёдором Солоновым впали сперва в чёрную тоску.

Не могла Ирина Ивановна изменить. Не могла сама пойти к красным. После всего, что с ними было, после города Ленинграда, после появления Юльки Маслаковой с Игорем Онуфриевым, после того, что выпало на них *вдруг* потоке, – что должно было случиться с Ириной Ивановной, чтобы она нацепила бы на грудь красный бант?

Ответа не было, и взяться ему было неоткуда. А вчерашние кадеты, ныне же – господа прапорщики, привыкли за месяцы войны думать совсем об иных вещах: где раздобыть амуницию и огнеприпасы, чем заменить вышедшее из строя, повреждённое, разбитое; где перехватить хотя бы кусок хлеба, пока не успеет подвоз. Что, в конце концов, с родными и близкими, не успевшими выбраться из Москвы или Петербурга?

А Ирина Ивановна... что ж, она останется в прошлом.

Добровольческая армия, частично прорвав фронт красных, частично обойдя его левый фланг и соединившись с восставшими казаками Дона, повернула несколько дивизий на запад, к Харькову. Но ударные части шли прямо на север, шли среди расцветавшей весны, слизывавшей последние плети снега, вытянувшиеся по оврагам и тёмным местам, словно уставший Змей Горыныч вывалил бесчисленные свои языки.

Сперва, бывало, целые дни проходили в сплошных маршах, когда александровцам вообще никто не препятствовал. Однако чем дальше на север, тем гуще становились дивизии красных, и там, где Дон резко поворачивает на запад, на участке Лиски – Таловая и дальше по левому берегу Хопра до Урюпинской, свежие резервы красных создали устойчивую оборону.

Лиски были крупной узловой станцией, но путь к ней преграждала река. Генерал Келлер, приняв командование сводным ударным «отрядом», попытался перенести острие главного удара восточнее, по левому берегу Днепра, избегая лобового штурма Лисок. И вновь – красные укрепились вдоль правого берега речки Икорец, опираясь на многочисленные тамошние деревни, зарылись в землю по всем правилам фортификационной науки, и брать их лобовым ударом означало положить здесь все лучшие части Добровольческой армии.

– Плохо дело, Федь.

– Да сам вижу.

Петя Ниткин и Фёдор Солонов сидели на ступенях трактира в заречной части селения Икорец; напротив них, за одноимённой речкой, засели красные. Коннице генерала Келлера удалось ворваться на восточные окраины села, занять полустанок Песковатка, но на большее

их уже не хватило. Потрёпанные эскадроны оттягивались в тыл, уступая место пехоте, но Две Мишени только присвистнул, глядя в бинокль на фортификации красных.

Правый берег Икорца выше левого, там поднимаются холмы, а само село, что ближе к реке и ниже, превращено в настоящую крепость: тянутся линии траншей, насыпаны брустверы, на колокольне Богоявленской церкви – наверняка! – наблюдательный пост. Мосты взорваны, кроме одного, железнодорожного. Долина заболочена, да и речка, хоть и неширокая, являла собой изрядную преграду.

И само село кишело красными. Они даже особенно не скрывались – мол, давайте, золотопогонники, атакуйте. Посмотрим, как у вас это получится.

Подошёл Две Мишени, спокойный и молчаливый. Кивнул, сел рядом. Понимающе взглянул на друзей:

– Плохо дело, да?

– Вот и я то же самое сказал, Константин Сергеевич, – вздохнул Петя. – С налёта не взять.

– И не с налёта тоже, – буркнул Федя. Они ходил в разведку на север, но на два десятка вёрст вдоль Икорца так и тянулись позиции красных. – Откуда у них столько войск-то здесь?

– А чего ж им не быть? – пожал плечами полковник. – *Этойтам* были и Колчак на востоке, и Юденич на северо-западе, и ещё бог весть кто. А тут вся старая армия цела. И офицерство кадровое не выбито, как там, и в немалом числе пошло на службу к большевикам. А ещё многие рассеялись по имениям, по квартирам, по родне – и сидят себе, выжидают, чья возьмёт.

– Но почему же так, Константин Сергеевич?! – с мукой вырвалось у Фёдора. – Мы же читали. . . *там* и впрямь в войне многие погибли, кому ни попадя погоны прапорщиков вешали. Но тут-то, у нас? Гвардия дралась, и кто уцелел – здесь; а остальные-то?

– Обиженных много, Федя, – вздохнул Две Мишени. – Вот как капитан – бывший – Нифонтов. Тоже ведь у красных служит.

Господа прапорщики дружно разинули рты.

– Откуда ж известно такое, Константин Сергеевич?

– Слухами земля полнится, Петя, как есть полнится. . . но не в Нифонтове дело. Видать, сходства-то меж потоками куда больше, чем нам казалось. Я-то, грешным делом, *тамошних* книжек почитав, надеялся, что у *нас* так не случится, или если случится, так офицеры все как один. . . – он отвернулся, махнул рукой. – Ошибался. Погоны золотые носили, пили за государя, а верности-то настоящей не оказалось. Как и *там*. Потому что те же, что *там*, и у нас смуту затеяли. Гучков, Милюков. . . вся эта шайка-лейка «временных». Теперь-то о них никто не вспоминает, но дело своё чёрное они сделали.

Помолчали.

– Но вы, друзья мои, всё правильно определили – плохо дело наше. С теми силами, что есть, красных не опрокинуть. Пока на одного нашего их трое было, даже четверо – мы вперёд шли. А теперь, когда семь-восемь уже, а то и больше – нет, не сможем. Разрывы во фронте они ликвидировали грамотно. Оттянули назад всё, что могли, восстановили сплошную линию. Знали, когда драться надо, а когда и отступить. Знали, что мы в них упрёмся и начнётся окопное сидение. Как *утех* под Верденом, и не только. А мы их не пересидим.

– Значит, надо атаковать и прорываться!

– Надо, Федя. Вот только как? Дайте мне их *танковый корпус*, и я до Москвы за три дня дойду. А тут? Разве что на испуг брать. . .

– На испуг?

– Есть тут одна мысль. . . – загадочно улыбнулся Две Мишени. И тотчас поднялся, ушёл. Напоминать о «строжайшей секретности» не стал – и без того понятно, что Федя с Петей и не пикнут, что у господина полковника «мысль одна» появилась.

Ночью они переходили реку. Они – команда «стрелков-отличников», вернее, те, кто от неё остался.

В самом начале, ещё в Гатчино, погиб Юрка Вяземский.

Полёг невдалеке от Юзовки Варлам Сокольский.

Умер от ран в ростовском госпитале Пашка Бушен.

Лежал в тифозном бреду Лихой, он же Дима Зубрицкий.

Остались Миша Полднев, Севка – только не Воротников, а Богоявленский, да Степан Метельский. Ну, и он, Слон, Фёдор Солонов, – четвёртый.

Мало.

Поэтому отправились с ними и Левка Бобровский, и, конечно же, тот «другой Севка», Воротников, и Женька Маслов, худой, цепкий и ловкий. Все – тяжело нагруженные.

Апрельская ночь ещё холодна, и ещё холоднее река Икорец, но вчерашние кадеты не жаловались. Молча, бесшумно, без всплесков скрывались под водой. Тяжёлых винтовок с собой не брали. У каждого в плотном коробе с тщательно промасленными краями крышки – по бельгийскому тяжёлому «браунингу». За месяцы войны каждый из александровцев собрал по целому арсеналу – истинному воину всегда мало того оружия, которым он уже владеет.

Правый берег Игорца, как и левый, был изрядно заболочен, заливные луга – истоптаны скотом, и окопы красные устроили выше, но устроили как следует, не пожалев ни колючей проволоки, ни кольев, ни пота своих солдат.

И секреты они выставили, всё по правилам.

Вот только не учли, что полковник (погоны генерал-майора Две Мишени так и не надевал) Аристов дрался с последними работорговцами Туркестана, с дикими афганскими кочевниками, с маньчжурскими хунхузами и с японскими самураями – дрался с ними со всеми и выжил.

Реку переплывали под водой, дыша дедовскими методом – через трубки. Свети луна, будь внимательнее дозорные, они, быть может, и заметили бы подозрительную рябь на спокойной воде.

Но луну скрыли плотные серые тучи, словно сам Господь развернул на все небеса солдатскую шинель. А часовые хоть и не дремали, но слабую дрожь на поверхности тёмной воды не углядели.

...Приречный ивняк красные частично порубили, но свести его по всей линии обороны, конечно же, не могли. Две Мишени и его команда выбрались на берег, холод был адский, мокрое обмундирование липло к телу, но они проделывали подобное множество раз в лагерях под Гатчино, переходя вброд и переплывая под водой бесчисленные тамошние озёра и речки.

Осветительных ракет у красных то ли не нашлось, то ли не сочли нужным их запускать.

В полусотне шагов, за болотистым лугом, начинался лес, круто поднимавшийся по склону. Вековые деревья не смогла бы повалить даже целая армия дровосеков, и кадеты скрылись в их густой тени.

Команда Аристова обходила село с юга, оставив по правую руку железнодорожный мост. Мост красные взрывать не стали, но возвели на своём его конце настоящую крепость, перегородив рельсовый путь завалами; и несомненно, это всё прикрывалось артиллерией и пулемётами.

Вот и линия траншей, вот и колья...

Севка Воротников перевернулся на спину, парой сноровистых движений перерезал колючую проволоку, как положено, в нескольких местах. Фёдор пополз первым, «браунинг» уже на поясе, а в руке – верный, как смерть, финский нож, наточенный острее бритвы.

Первый часовой рухнул молча, второй успел только захрипеть. Азы подготовки «воина-разведчика». Этим Две Мишени мучил их с самого первого года в корпусе.

Третий дозорный стоял далеко. Что и спасло ему жизнь.

Часть содержимого из заплечных мешков – герметично упакованные удлинённые взрывные заряды – перекочевала по назначению. Две Мишени разматывал запальный шнур.

...Все вместе они ползли к мосту. Фёдор видел свою цель – караульный скорчился за бруствером из мешков с песком, время от времени старательно высовываясь в импровизированную бойницу. Противника он заметил слишком поздно.

...Не думать, что убиваешь людей. Не думать, что убиваешь русских людей. Не думать. Не думать. Только о том, чтобы убить. Устранить. Элиминировать.

Конечно, всё время им везти не могло. Стрельба вспыхнула, когда они уже почти всё закончили, старый солдат вскрикнул, когда нож Севки Богоявленского скользнул по вороту шинели. Второй раз Севка не промахнулся, но тревога уже поднялась.

Две Мишени не дрогнули. Продолжал раскладывать заряды, даже головы не поднял.

Остальные господа прапорщики выхватили пистолеты.

Бах, бах, бах – и вот уже двое самых быстрых, бросившихся на них, падают. Остальные тотчас залегли, а полковник Аристов коснулся пламенем спички запального шнура, тотчас махнул рукой своим; кадеты кубарем скатывались к реке, их дело сделано, теперь...

Взрывы вспороли ночь, размётывая позиции красных, завал на мосту раворотило, пулемёты подбросило в воздух, а с того берега Икорца молча, без криков «ура!» и стрельбы, ринулась тёмная масса добровольцев.

Они шли на прорыв.

В коридорах харьковского штаба Южфронта дым стоял коромыслом. Курили постоянно. Курили все – за исключением замначальника оперативного отдела фронта, комполка товарища Шульц Ирины Ивановны.

Долгое отступление на левом фланге закончилось. Наконец-то подошли свежие части – и «пролетарские дивизии», и кадровые, с военспецами. Фронт выгнулся дугой от Днепра вдоль Ворсклы (беляки таки сумели там несколько продвинуться, пока все резервы были брошены к Дону) до Кобеляк, оттуда сворачивал на восток по реке Орёл севернее Лозовой, затем Изюм, Купянск, Валуйки, Алексеевка, Острогожск, Лиски, Таловая, Новохопёрский и дальше до Урюпинской. Там начиналась ответственность нового фронта, только что созданного Юго-Восточного. Там командовал Александр Егоров – «бывший штабс-капитан царской армии, добровольно вступил в ряды Красной гвардии, принимал деятельное участие в установлении советской власти в Петербурге; с декабря 1914 года – работал в Военном отделе ВЦИК, отвечая за подбор личного состава для Красной армии. Лично уговорил многих знакомых кадровых офицеров вступить в её ряды...».

Ирина Ивановна склонилась над картой, быстро и точно, словно заправский генштабист, нанося на неё пометки синими и красными карандашами. Рядом лежала кипа донесений и телеграмм – Южный фронт больше не отступал.

Не отступал?..

«Штаб Южфронта тчк срочно зпт секретно тчк ночью двадцать пятого апреля белые прорвали оборону седьмой сд у среднего икорца силами до двух дивизий пехоты с ударными частями александровского корпуса тчк противник занял лиски развивает наступление на коротяк воронеж ввёл все резервы прошу немедленных подкреплений тчк начдив семь романов»

– Что у вас, товарищ Шульц?

– Прорыв у Икорца, товарищ Сиверс.

– Что-о? – Сиверс сжал кулаки, пристукнул по столу. – Как прорвались?

– Седьмая стрелковая дивизия докладывает, что вчера ночью. Донесение подписано начдивом-семь, но составлял не он.

– Откуда знаете? – Сиверс уже нависал над картой, с ним – ещё трое штабных, все – из «бывших». Их вообще появилось много в Красной армии за последний месяц...

– Стилль, – Ирина Ивановна потрясла телеграммой. – Написано по принципу «слышал звон, да не знает, где он». Начдивом в седьмой дивизии Герасим Фёдорович Романов, военспец, маньчжурец, в старой армии имел чин полковника, бывший командир бывшего 26-го Сибирского стрелкового полка. Он такой белиберды никогда бы в вышестоящий штаб не отправил.

– И что же это значит?

– Значит, что Романова в штабе нет, пытается организовывать оборону, велел отправить за своей подписью донесение, но, видать, у него совсем не было возможности его писать.

– У нас там рядом и десятая дивизия, и двенадцатая... – бросил один из штабных. – Сил достаточно.

– И вообще у страха глаза велики, – продолжил Сиверс. – Откуда там у беляков две дивизии? Разве что они «дивизиями» теперь батальоны кличут.

– Соппротивление им нарастает, – льстиво поддакнул штабной. – Так называемые «дроздовцы» пронесли огромные потери...

– Но и закрывать глаза мы на это не станем, – перебил Сиверс. – Товарищ Шульц, подготовьте соответствующие приказы начдивам десять и двенадцать. Пусть окажут помощь, нанесут контрудар и восстановят положение.

– Не просто восстановят, но и опрокинут врага!

– А вы, товарищ член военсовета фронта, не витайте в облаках, – резко возразил штабному Сиверс. – Опрокидывать будем по науке, резервами. Приказываю, товарищ Шульц, – передайте дивизиям контрудар нанести, после чего держать прочную оборону, положение восстановить, но преследованием не увлекаться, буде беляки вдруг ни с того ни с сего отступить начнут. Хватит с нас одного Антонова-Овсеенко и его Южармии...

Икорец они взяли. По захваченному целёхоньким мосту на станцию ворвался бронепоезд, прямой наводкой разнёс батарею красных, попытавшуюся было накрыть атакующих шрапнелями, а дальнейшее, как выразался Две Мишени, было «делом техники».

Где и при каких обстоятельствах он приобрёл привычку так выражаться, знали лишь Федя Солонов да Петя Ниткин. Ну, ещё Костя Нифонтов да Ирина Ивановна Шульц, но они не считались.

От Икорца шла торная дорога напрямиком на Воронеж, туда сейчас сворачивала улагаевская конница, а вчерашним кадетам предстояло прикрыть её левый фланг от более чем вероятного контрудара красных.

Пленных было мало, по ночному времени многие успели разбежаться, попрятаться – и в самом Икорце, и в окрестностях.

– Значит, не всё так плохо, как казалось, а, Петя?

Петя вздохнул.

– Мы красных-то разогнали, но не уничтожили. А уничтожить можно только операциями на окружение.

Петя, как всегда, говорил умные и правильные слова, только вот они вечно навевали тоску. Поистине, во многой мудрости много печали...

– Этих смяли – а за ними следующая дивизия, а за ней ещё одна. Разбежавшихся соберут – и обратно на фронт. Ещё десять вёрст пройдем, ещё двадцать... Пусть даже сто. А потом?

Тут, конечно, надо было бы прикрикнуть на друга, мол, что за малодушие и пораженческие мысли, – однако Петя был прав. Да и говорил он это только и исключительно наедине с Фёдором.

Сейчас, после перехода и занятия без боя Лисок, они с Петей просто сидели на лавке; рядом, на станционных путях, дымил бронепоезд. И как всегда в невесёлую минуту (причины которой не понимал никто из друзей, кроме того же Пети да полковника Аристов), Фёдор

полез за пазуху. Извлёк слегка помятый конверт, до сих пор пахнувший лёгкими, тонкими, ускользающими духами.

«Милый Фёдоръ, что ни вечеръ, то жду въстѣй изъ Дѣйствующей арміи. Папá приносятъ цѣлую папку, онъ читаетъ всѣмъ намъ вслухъ. Всѣ герои, кто сражается сейчасъ за великую Россію, но я особенно жду упоминаній о вашей части. И ваши письма жду, онъ меня неизмѣнно радуютъ. Жизнь наша здѣсь полна заботъ – мы съ мамá и сестрами трудимся въ Елисаветинскомъ госпиталѣ. Раненыхъ и увѣчныхъ очень много, и я всякій разъ плачу, когда вижу, что помочь страдальцу уже ничѣмъ нельзя. Всякій день молимся за всѣхъ нашихъ воиновъ, а я тихо, про себя, еще молюсь за васъ. Твердо вѣрю, что побѣда придетъ, что Россія воскреснетъ, и это уже будетъ совсѣмъ иная, лучшая Россія. Мама часто разсуждаетъ, что сдѣлаетъ, когда вновь станетъ Супругой Наслѣдника Цесаревича, говоритъ о нашихъ съ сестрами замужествахъ, о королевскихъ дворахъ Европы, а я слушаю и думаю, что не хочу замужъ, и пусть бы лучіе мы остались безъ трона, безъ короны, но жили бы въ своей странѣ и могли бы сами выбирать свою судьбу.

Молюсь за васъ, дорогой другъ Фёдоръ.

Всегда ваша, Татіана».

Просто «Татиана», ничего больше.

Фёдор перечитал письмецо и вновь спрятал. На это письмо он уже отослал ответ, как раз перед прорывом через Икорец.

Нет, не мечтай, не мечтай, кадет. Ты же с Лизой, Лизой Корабельниковой, ты же...

Однако он ничего не слышал о Лизе уже много месяцев, как и об остальной своей семье. Всё равно он должен быть верен... рыцарь не оставляет прекрасную даму только потому, что не осведомлён о её судьбе...

Но с каждой неделей и с каждым новым письмом от великой княжны слова эти звучали всё менее убедительно, словно шорох ветра в весенней листве.

Друг Ниткин пронизательно взглянул на приятеля, вздохнул. Петя не одобрял ни кобелячества Севки Воротников, ни охватывающей Фёдора мечтательности. Сам же Петя хранил поистине лебединую преданность Зине и отчего-то пребывал в твёрдой, абсолютной уверенности, что с нею (как и с Лизой) «всё будет хорошо». Почему так – объяснить он не мог, но и поколебать это его убеждение не мог никто и ничто.

И вот сейчас Петя, неодобрительно покачивая головой, уже явно собирался разразиться филиппикой на тему верности и неверности, как мимо промчался кадет второй роты (до сих пор кадет, им прапорщиков пока не присвоили):

– Две Мишени зовёт! Давай к командиру!

Они стояли на харьковском вокзале, Ирина Ивановна Шульц и бывший начдив-15 Михаил Жадов. Готов был паровоз, и спецсостав вот-вот должен был отправиться – сперва в Москву, а потом и в Питер. Жадов, при полном параде, с новеньким орденом Красного Знамени на груди, несмотря на вид свой, глядел хмуρο, мял пальцами ремень.

– Не хочу я куда ехать, Ира...

– Надо, Миша. – Ирина Ивановна глядела себе под ноги. – И так оттягивали, сколько могли. Верные люди нужны, все, кого сможем собрать.

– Уж не про Благоева ли опять думаешь?..

Ирина Ивановна слабо улыбнулась.

– Ты решил меня и к нему приревновать?.. Нет, Миша, просто боюсь, что придётся нашим батальоном...

– Полком.

– Ну да, полком. А может, и бригадой – это уж сколько ты собрать сможешь... Так вот, скорее всего, придётся полком последний резерв беляков опрокидывать. Кульминация близится, Миша. За прорывом через Икорец и другие последуют. Нельзя белым более медлить. Они же видят, сколько подкреплений к нам каждый день прибывает. Если не сейчас, то к середине июля мы их просто раздавим. Вот и торопятся, пока ещё что-то могут.

– Ну и зачем мне тогда ехать? Пока соберу, пока вооружу, пока сюда доставлю...

– А ты поспеши, – непреклонным тоном сказала Ирина Ивановна. – Поспеши, друг дорогой. Вот помяни мои слова – потребуется нам тут, под Харьковом, каждый штык, который не побежит.

– А другие что же, побегут? – неpritворно удивился Жадов.

– Побегут. Как из Икорца побежали.

– Так ведь кадровый полк! С военспецами! А ничего без пролетарских батальонов не могут!

– И ты тоже прав, как говаривал царь Соломон. Иные военспецы-то того, примкнули к нам только ради пайка. Им вообще всё равно, по большому счёту, кто победит. Как и большинству народа. Так что и изменить могут, и стойкости не проявить. Теперь понимаешь, зачем нам верные бойцы?

– Да понимаю я... только... тебя мне оставлять... Непокойно на сердце, Ира!..

– А чего ж ему беспокоиться? – Ирина Ивановна чуть склонила голову набок, улыбнулась. – Ты меня кое о чём просил, Миша. Давно уже просил. И я тебе всё отвечала – мол, подумаю да подумаю. Вот и... надумала.

Жадов аж задохнулся. Глаза его вспыхнули, он подался вперёд, неловко, словно стесняясь, взял Ирину Ивановну за локти, и она не отстранилась.

– Ириша... милая... неужели?..

– Вернись скорее, и всё тебе будет. – Она закинула руки ему на шею, ладони Жадова соскользнули ей на талию. – По закону, само собой. Если не передумал, конечно.

– Это я-то... я-то передумаю?! Ира, любимая... Господи...

Ирина Ивановна резко прижалась к нему – так, чтобы он не видел её лица и плотно-плотно зажмуренных глаз.

– Возвращайся скорее, – шепнула ему в ухо. – Возвращайся, я буду ждать.

Паровоз дал долгий гудок, Жадов нехотя отпустил Ирину Ивановну.

– Ну, милая, ну... обрадовала... – Он улыбался несмело, чуть растерянно. – Эх, ну куда мне вот ехать!..

– Куда надо, туда и ехать, – непреклонно сказала уже не Ирина Ивановна, но товарищ Шульц, замначальника оперативного отдела штаба Южфронта.

И поцеловала Жадова.

Дохнул паром локомотив, тронулись вагоны. Комиссар в последний момент вскочил на площадку, взмахнул фуражкой:

– Я тебя люблю!.. Слышишь?! Люблю!..

Ирина Ивановна кивнула – или просто склонила голову, потупившись?

Интерлюдия

Ленинград, лето – осень 1972

Конечно, после возвращения Юльки и Игорька поднялась ужасная суматоха. Все бегали, кричали и размахивали руками.

Бабушка ощупывала то Юльку, то внука, словно пытаясь удостовериться, что это не призраки. Николай Михайлович тоже обнял их обоих, а потом, охнув, присел к столу, держась за сердце, и Мария Владимировна тотчас захлопотала вокруг – «таблетку под язык» и прочее.

Сотрудники Николая Михайловича, его ученики и «посвящённые» – Миша, Паша и Стас – потащили Юльку к каким-то стендам, «словно ведьму на костёр». Все говорили разом, трясли её и дёргали, пока наконец не вмешалась бабушка и не разогнала всех по местам.

Да, здесь, в Ленинграде, не прошло и минуты. Точнее, не прошло и тридцати секунд. Никто ничего не понял, Юлька просто встала и пошла, в неё вцепился Игорёк, а потом они оба исчезли. Никаких тебе «порталов», вообще ничего. И наблюдать за ними было невозможно. Однако все не успели даже как следует испугаться, потому что пропавшие объявились обратно – правда, в совершенно иной одежде.

После этого они все отправились домой к Онуфриевым – Миша, Паша и Стас заявили, что немедленно умрут, если не услышат самого подробного рассказа о случившемся.

... Они долго, бесконечно долго пили чай с булочками, распространявшими по всей квартире упоительный запах корицы, а Юлька с Игорьком рассказывали, сменяя друг друга.

Стаса и Мишу больше всего интересовал сам перенос; Паша дёрнулся было сперва что-то записывать, но Мария Владимировна это заметила и карандаш с блокнотом у провинившегося немедленно конфисковала.

И потом, когда ученики профессора отбыли по домам, тут же затеяв новый спор об «источнике энергии переноса» и «уравнениях эфира», чета Онуфриевых снова села внимать повествованию наших путешественников, только теперь уже – про саму жизнь.

Бабушка слушала Юльку, её девчоночьи рассказы про мороженое, сладости, магазины, наряды; слушала, прикрыв глаза, и улыбалась. Дедушка слушал тоже, переспрашивал, потом достал вдруг старую-престарую, потёртую, пожелтевшую тетрадь, где выцветшими фиолетовыми чернилами шли какие-то записи, полистал, стал спрашивать, а не видели ли Юлька с Игорем такие-то и такие-то магазины в таких-то и таких-то местах, и когда ребята дружно кивали, радовался, словно ребёнок.

– Всё подтверждается. Всё сходится, – повторял он, делая пометки в уже новом, современном рабочем журнале. – Потoki очень, очень инерционны, инерционность просто потрясающая, несмотря на такие перемены!..

– Да, я это Юленьке как-то тоже объясняла, – заметила бабушка.

– И вот совершенно новая тема – временные интервалы пребывания!.. – профессор лихорадочно что-то записывал. – А ведь мы исходили, помнится, из линейности, одномерности и равной скорости течения. А получается, что... куда более сложная картина получается!.. – И карандаш его вновь стремительно нёсся по бумаге, оставляя затейливую вязь математических символов, греческих букв и прочего, из чего Юлька узнавала только скобки, плюсы да минусы. – Ребята вот спорили насчёт энергии переноса... откуда, мол, берётся у такой, как наша Юленька... и уж не в разной ли локальной скорости потока, создающей локальные же напряжения... – дедушка Игорька бормотал себе под нос что-то, сделавшееся под конец совер-

шенно неразборчивым, лихорадочно заполняя размашистыми формулами одну страницу за другой.

– Николай Михайлович ушёл в себя, – усмехнулась бабушка. – Не будем ему мешать, дети.

– А ведь выходит-то, что кадеты добились успеха, – осторожно сказал Игорёк. – Они хоть и не помнили никаких подробностей, но так, по обрывкам...

– Тоже, кстати, интересный феномен с блокировкой памяти, – кивнула бабушка. – Я бы списала его на побочные эффекты петлистой структуры континуума, похоже, правы были Николай Михайлович мой со Стасом, что структура именно петлистая...

– Да я не про то, ба! Я про то, что если кадетам удалось всё – то, значит, можем мы таки ждать изменений?

– Дорогой мой, ну я же говорила, бесчисленное множество раз...

– Так то теория, ба! А теперь у нас практика!

Бабушка вздохнула.

– Не знаю, дорогой мой. Вот Юленьке пыталась объяснить, да и поняла, что сама путаюсь. В единый миг иного мира у нас не настало. «Слава КПСС» как на всех углах висела, так и висит. Амальгамация, слияние потоков... не знаю, не знаю. Ум за разум заходит.

– А что, если ничего и не случится? – подала голос Юлька. – Что, если всё так и останется?

– Инерция потоков, деда сам сказал, – солидно подхватил Игорёк.

– Тогда, – медленно сказала бабушка, – у нас останется только один выход.

И выразительно посмотрела на Юльку, да так, что та задрожала.

– Твой талант, милая моя девонька, нуждается в развитии и огранке. Коль и впрямь у тебя этот великий дар – быть проводницей между потоками, ходить меж ними, словно по вагонам поезда, – то, может, ты поможешь нам с Николаем Михайловичем там очутиться? Взглянуть ещё хоть разок на город нашей юности... как раз я тогда в гимназию ходить начинала, приготовительный класс, затем первый...

– Э, э, ба, что это ты говоришь такое? – всполошился Игорёк. – А как же я?

– У тебя, мой дорогой, родители есть, – строго сказала бабушка.

– Ну да... – отвернулся мальчишка. – Мама в одной экспедиции, папа в другой... и не пишут, и телеграммы не шлют...

– В экспедиции, да, – строго сказала Мария Владимировна, но Юлька вдруг подумала, что как-то не слишком твёрдо она это произнесла, пряча неуверенность за показной строгостью. – Тытам был. Но для тебя, милый внук, это просто захватывающее приключение. Как там говорил Буратино? «Страшные приключения и ужасные опасности»? Вас, мальчишек, хлебом не корми, дай это пережить. А для меня, дорогой, это моя молодость. Детство. Улицы, что до сих пор помню. Вот и хочу хоть разок... снова на это всё посмотреть. Там ведь, милый мой, мои мама с папой живы. И я – маленькая – там где-то хожу. – Голос её дрогнул.

И наступила тишина.

– Так ведь я ж не могу так просто... по своему желанию... – пролепетала Юлька.

– Сможешь, – непреклонно сказала бабушка. – Талант твой пробудился. Теперь дело пойдёт, вот увидишь.

– Э, ба! Ты только смотри, там же всё равно не останешься! – пронизательно выпалил Игорёк. – Обратю сюда вынесет!

– Вот и хорошо. К тому же, дорогой, если здесь время почти что стоит, пока тытам – так в моём возрасте это особенно важно. – Бабушка уже улыбалась. – Ну, а теперь – спать! Мы и так вас замучили.

Жизнь изменилась разом, круто и необратимо. Куда больше, чем после того, как в Юльке открыли это самое «чувствование». Паша, Миша, Стас, «Эн-Эм», как звали они профессора

Николая Михайловича, бабушка – все трудились не покладая рук. Без конца заставляли Юльку лежать, обвешав всю её электродами. То и дело ей приходилось «мысленно открывать ворота», подробно представлять и вспоминать, «как оно всё было». Грелись паяльники, шипела канифоль, паялись новые схемы и одновременно выполнялись какие-то «темы», писались отчёты...

И так прошло лето.

И пожалуй, единственным, что стоило, по мнению Юльки, упоминания, стала новая её школьная форма – не из магазина, топорщащаяся, сидящая кое-как, а шитая на заказ у частного мастера, у Исаака Соломоновича, дородного и добрейшего, что возился с Юлькой так, словно предстояло ей в этой форме выходить самое меньшее на сцену Кремлевского Дворца съездов. И платьё получилось на славу, Юлька в нём казалась сама себе настоящей принцессой. Дорогая шерстяная ткань, юбка длиннее обычной, в духе той самой гимназической формы (которую Юлька бы сама носила в школу, не отличайся она всё-таки от дозволенной), из-за хорошего материала складки на юбке выходили очень красивыми. И сидело платьё как влитое.

Девчонки в классе от зависти лопнут.

А вдобавок на ногах у Юльки не стоптанные сандалеты, а кожаные туфельки на небольшом каблучке, ужасно стильные – чтобы уж совсем как принцесса.

...Так и наступил незаметно сентябрь. Вернулись в город, и Юлька уже чуть ли не похозяйски обосновалась в квартире Марии Владимировны и Николая Михайловича. И ей по-прежнему всё ужасно нравилось.

Нравилась своя небольшая комнатка, тихая и светлая. Нравилась бесконечные ряды книг в библиотеке. Нравилась кухня с массой старинных вещей и вещиц, чудом уцелевших, как рассказывала бабушка, во всех революциях, войнах и даже в блокаде.

Кофемолка, отдельные мельницы для соли, перца и даже для сахара; ножи с костяными ручками, с инициалами «М.О.» в овале – бабушкин свадебный подарок («Тогда, в двадцатые, Юленька, ещё многое можно было, это после того, как НЭП прикрыли, оно-то всё и началось...»); Юлька охотно помогала с обедами и ужинами, ловко резала, чистила, месила. На коммунальной кухне так не поготовишь – там абы разогреть что-то побыстрее, да и сбежать.

В классе новое платьё с туфельками, конечно, заметили – девчонки шептались по углам, мальчишки тоже поглядывали – так, с каким-то новым интересом. Один попытался было дёрнуть Юльку за косичку, но тут вдруг вмешался Игорёк:

– Оставь её. Машку иди дёргай.

– А то что? – подбоченился мальчишка.

– А то. Выходи после уроков махать во второй двор. Выйдешь?

И такая угрюмая, но явственная угроза прозвучала в этих Игорёковых словах, что обидчик стушевался.

– Да чего ты? Я ж так... больно надо мне кого-то дёргать! – и отступил.

Сидеть с мальчишками за одной партой в Юлькином классе было не принято, но из школы они с Игорёком по-прежнему ходили вместе. Новым было то, что и в школу они теперь ехали вдвоём.

Классная это, конечно, заметила.

– Маслакова, а ты это что же... вы с Онуфриевым что ни день приходите?

Юлька покраснела, смутилась. Промямлила что-то, и спас её только звонок с перемены. Вечером она всё рассказала бабушке.

– Вот как, – нахмурилась та. – Не волнуйся, милая, я этим сама займусь.

И занялась. Да так, что классная сама потом чуть ли не извиняться подошла:

– Юля, что же ты сразу не сказала, что твоя мама выполняет ответственное задание Родины на Крайнем Севере? Бабушка Игоря звонила директору.

– Так вы не спрашивали, Марь Иванна...

– Ну вот теперь спрашиваю. Тебе, значит, если что, то по домашнему телефону Онуфриевых звонить...

Уроки, однако, пролетали как в тумане. Юлька старательно учила (потому что Игорёк был твёрдым хорошистом, отставать было никак нельзя!), но поняла, что всё это стало просто фоном, надоедливой обязаловкой, которую надо волей-неволей вытерпеть, чтобы потом заняться *настоящим*.

А настоящее было – обуздать свой открывшийся дар. Научиться и впрямь открывать двери в иные потоки, неважно, эфир там или не эфир. Может, эфира и нет, а потоки есть, и кадеты в них живут очень даже настоящие.

И да, бабушке с дедушкой очень-очень надо побывать в городе их юности. Где всё почти точно так же, как они помнят. А для этого ей, Юльке, надо понять и повторить то, что она сделала в лаборатории, уже не случайно, а сознательно. Кроме того, стало интересно – а другие потоки есть? Николай Михайлович говорит, что, конечно, да, просто их «ещё не нащупали».

Вот вдруг она, Юлька Маслакова, их и сможет «нащупать»?

А ещё она наконец набралась смелости и спросила у бабушки, кто такой Илья Андреевич Положинцев? Он отсюда или нет? И как вообще аппарат оказался в подzemельях кадетского корпуса?

Мария Владимировна нахмурилась.

– Догадаться, милая, в общем, было нетрудно, да?

– Конечно! Но почему он не признался? Он же видел, что мы с Игорьком отсюда! Мы ему прямо сказали!

– Потому что, милая, у всех наших посланцев там категорический императив – ни при каких условиях, никогда, ни за что не признавать тот факт, что они – от нас.

– Но почему же?! Мы же сказали!..

– Потому что это знание не может распространяться. Потому что – «что знают двое, то знает свинья». Поэтому Илья Андреевич всё отрицал, и правильно сделал. Только если бы явились те, кто его непосредственно знал здесь, и если бы не было людей того времени... тогда бы он заговорил. А так – кто знает, кто вы такие и откуда добыли информацию? Быть может, к примеру, кто-то схватил другого из наших, каким-то образом выбил из него сведения по жизни в 1972 году и теперь пытается воздействовать на самого Илью Андреевича...

– Нет, нет! – забывшись, воскликнула Юлька. – Не может быть! Чепуха какая-то! Он же видел, что мы – не гимназисты!..

– Илья Андреевич не знал, кто вы такие. Игоря он никогда не видел. В такой ситуации он мог только придерживаться нашего негласного устава – никогда и ни в чём не признаваться. Тем более... при наличии конкурирующей группы с совершенно иными убеждениями, чем наша.

– Дядя Сережа?

– Он и его единомышленники, да, – кивнула бабушка. – Вы могли оказаться кем угодно, даже... прости, милая... детьми из Большого Дома. Что ты так на меня смотришь? От товарища Никанорова ещё и не то ожидать можно. Николая Михайловича и меня он очень сильно не любит. Признаёт, что без нас ничего бы не было, но не любит всё равно. Считает врагами, недобитой контрой... в чём он, надо признаться, прав. Так что не удивляйся. Илья Андреевич поступил так, как должен был, как был обязан. Он же, надо полагать, и привёл машину в действие перед тем, как кадеты попали к нам сюда. А вот как и почему устройство сработало именно так, как сработало, – это вопрос. Возможно, само место... мы же не случайно ставили машину именно там. Вообще, когда всё это налаживалось, очень многого мы ещё не знали и не умели, не могли тогда шастать туда-сюда настолько свободно, как ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.